

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'27

ББК 82.3

DOI 10.18522/1995-0640-2023-4-104-120

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЛМЫЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Московский государственный лингвистический университет

Аннотация. Рассматриваются сюжеты калмыцких народных волшебных сказок, в которых концентрированно выражены ценности и нормы традиционной культуры в виде борьбы добра со злом. Показано, что отличительными характеристиками этих сказок являются интеллектуальное и физическое состязание героев с противниками, иносказательность как статусный знак мудреца, готовность героев прийти на помощь друзьям, признание важности предначертанной судьбы для героев и возможности изменить ее, сакральность родительской воли, волшебная сила любящей женщины – жены героя, вовлечение аудитории в развитие сюжета..

Ключевые слова: *калмыцкие волшебные сказки, ценности, сюжеты, сюжетные мотивы, лингвокультурология*

Для цитирования: *Карасик В.И.* Аксиологические характеристики калмыцких волшебных сказок // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 104 – 120.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке КалмГУ, проект «Современная этноязыковая картина России: национально-региональные особенности».

Original article

AXIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF KALMYK FAIRYTALES

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow State Linguistic University

Abstract. The paper deals with Kalmyk folk fairytales. These narratives of traditional culture express the main world-view values and norms of behavior as presented in the eternal struggle of the good and the evil. The specific features of the tales analyzed may be summed up in the following characteristics: intellectual and physical competition of the heroes and their enemies, allegory as a status emblem of a wise man, readiness to rescue the friends, understanding the force of fate and taking chances to change it, sacral essence of parents' will, magic of a loving wife, involvement of the audience into the subject plot development.

Key words: *Kalmyk fairytales, values, subject plots, motifs, language and culture studies*

For citation: *Karasik V.I. Axiological Characteristics of Kalmyk Fairytales // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27, № 4. P. 104 – 120.*

Funding. The research was carried out with the financial support of KalmSU, the project "Modern ethno-linguistic picture of Russia: national and regional peculiarities"

Введение

Сказки представляют собой один из древнейших речевых жанров, созданных для передачи основных ценностей и норм поведения от поколения к поколению. Героями сказочных повествований выступают как люди, так и волшебные существа, а также олицетворяемые явления природы и артефакты. Весьма интересны для изучения калмыцкие народные сказки¹, в которых закодирована многовековая история народа, откочевавшего в давние времена из монгольских степей до берегов Волги. Целью данной работы является установление, описание и объяснение норм поведения, показанных в этих сказках.

Жанрово-нарративная природа волшебных сказок

Народная сказка определяется следующим образом: «эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаического, волшебного, авантюрного или бытового характера, с установкой на вымысел» [Померанцева, 1965, с.7]. Сюжеты и языковые особенности сказок неоднократно были предметом изучения лингвистов, литературоведов и культурологов [Адоньева, 2000; Акименко, 2013; Борлыкова, 2015; Бухуров, 2002; Горяева, 2011; Зуева, 2001; Идрозова, 2014; Жирмунский, 1979; Коровина, 2004; Краюшкина, 2011; Надбитова, 2011; Павлова, 2015; Плахова, 2013; Пропп, 1969; Садалова, 2008; Сидорова Е.С., 1975; Сидорова М.В., 2006; Танкиева, 2007; Торокова, 2005; Шихиева, 2005; Юдин, 1998; Яшин, 1967]. В сказках находит отражение картина мира этноса, отражающая осмысление реальности и включающая как общечеловеческие, так и национально-специфические ценности поведения. Основные характеристики сказки суммируются следующим образом: 1) сказка вырастает из мифа; 2) в отличие от мифа противопоставление высокого и низкого имеет в сказке социальный смысл; 3) в центре сказочного повествования лежит судьба личности; 4) выделяются основные этапы трансформации мифа в сказку: «деритуализация и десакрализация, ослабление веры в истинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, потеря этнографической конкретности, замена мифических героев обыкновенными людьми, мифического времени – сказочно-неопределенным, ослабление этиологизма (причинности), перенесение внимания с коллективных судеб на индивидуальные и с космических на социальные» [Мелетинский, 1976, с. 264]. Калмыцкие сказки специфически преломляют мифологию монгольских народов [Неклюдов, 1998].

¹ Калмыцкие народные сказки: пер. с калмыцкого. Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1978. 146 с.

Миф представляет собой «древнейшее повествование о богах, героях, демонах и пр., отражающее в фантастической форме представления людей о реальных природных и социальных явлениях» [Кривцун, 2007, с. 1330]. Если мы согласимся с тем, что развитие человечества в филогенезе и онтогенезе состоит в рационально обусловленном освоении реальности, то такое развитие представляет собой переход от детской нерасчлененности мышления к линейно-дискретному членению мира взрослыми людьми, от фиксации простой соположенности образов к иерархизации событий, от мифомышления и поклонения непознаваемому хаосу к строительству упорядоченного мира [Режабек, 2003]. Мифомышление отражает пралогическую стадию развития человечества. «Там, где мы ищем вторичные причины, пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может одновременно пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону партиципации (сопричастности), оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум» [Леви-Брюль, 1994]. Партиципация – это приписывание причинной обусловленности любым случайным связям событий. Но следует подчеркнуть, что элементы пралогического мышления прослеживаются в ежедневной практике у каждого из нас, и есть определенные сферы культуры, в которых этот тип осмысления мира является доминирующим, прежде всего это – искусство. Мифомышление неразрывно связано с дискретно-дискурсивным мышлением. Аналогичным образом естественно-бытовая картина мира, часто называемая наивной, сопряжена с научной картиной мира. Древние мифы оказываются очень жизнеспособными, они трансформируются в новые образы и коммуникативные практики, проявляются в фольклорных и авторских сказках.

Жанровая природа сказок заключается в том, что эти нарративы выражают сущность фольклора и поэтому закономерно включают мифологический, антропологический и историко-географический аспекты понимания этого типа текстов [Дандес, 2003, с. 15]. Цитируемый автор критически оценивает тезаурусный (тематический) подход к классификации сказок, предложенный А. Аарне и включающий три класса сказок – сказки про животных, собственно сказки и шутки и анекдоты, при этом второй класс распадается на волшебные, легендарные, новеллистические повествования и сказки о глупом великане [Aarne, 1910; Thompson, 1955–1958]. Волшебные сказки делятся в свою очередь на подразделы о чудесном советчике, чудесном супруге или родственнике, чудесной задаче, чудесном предмете, чудесном знании и остаточном чудесном материале. Действительно, эта тематическая классификация построена на разных основаниях, но ее несомненное рациональное зерно состоит в том, что здесь очерчены типичные действующие лица, назван дискурсообразующий концепт «чудо» и намечены собственно нарративные типы сказок.

Справедливо считается, что существенный вклад в изучение сказок сделан В.Я. Проппом, который предложил рассматривать функции действующих лиц как важнейший системный компонент сказочного сюжета. Его классификация хрестоматийно известна. Исследователь выделил 31 функцию в рамках волшебных сказок в виде последовательных сюжетных действий типовых сказочных персонажей [Пропп, 1969]. В научной литературе отмечены существенные характеристики сказки: «Сюжет сказки строго последователен, однолинеен, развивается вокруг главного героя, победа которого обязательна. Герои сказки, внутренне статичные образы-типы, полностью зависят от своей сюжетной роли, раскрываются в действии» [Зуева, 2001, с. 990]. Особую роль в сказках играет дурак как типаж, поведение которого проявляется во многих сюжетных мотивах [Воркачев, 2017; Юдин, 2006].

В нарративном плане сюжеты сказок представляют собой взаимосвязанную совокупность сюжетных мотивов. В научной филологической литературе прослеживаются два понимания сюжетного мотива – тематическое и динамическое, в первом случае мотив трактуется как содержательно-тональный фрагмент произведения, во втором – как ход повествования, включающий выбор со стороны героя и определяющий дальнейшее развитие сюжета [Веселовский, 1940; Горяева, 2022; Неклюдов, 1984; Путилов, 1975; Силантьев, 2004; Франц, 1998; Ханаева, 2017; Хуббитдинова, 2021]. Динамическое понимание сюжетного мотива открывает возможности выявления определенных ценностей и норм той или иной лингвокультуры. Интерпретация ценностей представляет собой ключевое направление современной лингвокультурологии [Воркачев, 2014; Дементьев, 2016; Кононова, 2009; Леонтович, 2022]. Ценности калмыцкой лингвокультуры были предметом изучения в ряде специальных исследований [Бадмаев, Манджиев, Уланов, 2012; Бадмаева, 2006; Бакаева, 2009; Есенова, 2012; Номинханов, 1969; Тюмидова, 2013].

Аксиология сказочных сюжетных мотивов в калмыцких сказках

В сказке «О хане Цецене и его мудрой невестке» показана следующая цепочка событий. Хан отправляется на охоту со своим не очень умным сыном, дает сыну указания, которые тот толкует буквально и упускает добычу, безжалостно бьет этого юношу плеткой и затем посылает служанку узнать, как отреагировала на это жена сына. Та жалеет своего мужа и упрекает старика в жестокости. На второй день хан поручает сыну сварить в деревянном котле мясо, на третий день – поймать в табуне лошадь, у которой две головы обращены в разные стороны. Сын не справляется с этими поручениями и вновь терпит побои от отца. И вновь жена сына жалеет своего мужа. Хан решает развести молодых и начинает искать сыну другую жену. В следующую весну хан объездил всю страну в поисках подходящей невестки и увидел простую девушку, которая разумно вела себя под дождем и сохранила молоко у коровы. Узнав, где живет эта девушка, хан заехал к ее отцу и попросил приготовить ему кумыс из бычьего молока. Узнав об этом, дочь этого старика попросила отца лечь и стонать. Хан спросил, что случилось со стариком, и девушка

ответила, что он собирается рожать. Хан удивился и спросил: «Разве мужчины рожают?». А девушка ответила: «А разве бывает от быка молоко?». Хан понял, что девушка очень умна и решил женить на ней своего сына. Он приглашает старика в гости, и дочь этого человека дает своему отцу маленький кошелек. После угощения хан дарит своему будущему родственнику золотые монеты, кошелек растягивается, и в него умещается почти все богатство хана. Властитель и сто его слуг приезжают в бедную кибитку, чудесным образом умещаются в ней, пируют и увозят невесту сыну хана. Хан вновь дает сыну те же поручения, и молодой человек вторично не понимает, что должен сделать, и получает побои. Но его новая жена не жалеет своего мужа, а разъясняет ему скрытый смысл поручений отца. Хан обрадовался тому, что у него такая умная невестка. Но вскоре его сосед, другой хан, посылает ему рукоятку плети из красного дерева и просит определить, где у этой рукоятки верх и низ. Хан не может найти ответ, а его невестка советует опустить эту вещь в воду, и корневая часть должна пойти вниз. Сосед придумывает другие испытания, и хан с помощью своей невестки успешно с ними справляется. Другой хан понимает, что кто-то помогает соседу решать эти сложные задачи, требует выдать ему этого мудреца, захватывает в плен своего партнера и пишет письмо его подданным с приглашением прийти на пир. Невестка догадывается о положении дел, собирает большое войско и захватывает это ханство.

Это повествование состоит из сюжетных мотивов, которые сводятся к серии испытаний. Хан трижды проверяет, насколько умен его сын, жестоко наказывает молодого человека, заставляет его развестись, находит ему новую жену из простолюдинов, убеждается в сообразительности своей невестки, и после этого сам становится жертвой проверки на сообразительность со стороны более могущественного соседа, попадает в плен, однако его невестка приходит на помощь и одерживает победу над захватчиком. В этом тексте видны следующие нормы поведения: 1) за несообразительность полагается наказание, 2) родители вправе решать судьбу своих детей, 3) ум важнее, чем происхождение, и простолюдин может резко изменить свой статус, 4) следует знать, что рядом может оказаться более умный человек, 5) умная женщина спасает не только близких, но все свое племя, 6) основным способом выражения мысли у мудрого человека является иносказание, и разгадывание загадок представляет собой важный статусный признак человека. Отметим, что такое отношение к сложным иносказаниям типологически сближает калмыцкую и англосаксонскую культуры. Эта сказка в социальном плане перекликается с историческими свидетельствами о жизни монгольских племен: дочь простолюдина и даже раба могла стать женой хана, если побеждала на конкурсе красоты. Соответственно менялась жизнь всех ее родных. В этой сказке ничего не сказано о внешности девушки, и отсюда следует, что ум важнее, чем внешние данные. Имя хана (Цецен) на калмыцком языке значит «мудрый». В сказке появляется волшебное средство (безразмерный кошелек), это метафорическое обозначение поучения о том, что не следует хвастаться своим богатством. Нормой жизни в этой сказочной реальности являются постоянные набеги и вооруженные столкновения, и мудрость нужна как главное условие выживания.

ния. Статусный смысл интеллектуального уровня героев сказки прослеживается в прямой корреляции сказочных сюжетов и пословиц о ценности ума [Хохлова, Есенова, 2019].

Весьма оригинальна сказка «Неприсужденная награда».

У одной старушки-вдовы было три сына и дочь. Сыновья были охотниками, дочь помогала матери и была очень красивой. Однажды отправились сыновья на охоту в дальние края, а в это время прилетел в кибитку злой дух мангус и похитил девушку. Вернулись домой сыновья, узнали об этом и отправились разыскивать сестру. Старший брат разыскал облако, за которым спрятался мангус, средний брат меткой стрелой попал чудовищу в сердце, а младший брат подхватил девушку, рухнувшую камнем вниз, и невредимой доставил ее домой. Собрались старики-сказители, чтобы решить, кто из братьев достоин награды. Одни говорят, что без старшего нельзя было бы найти сестру, другие утверждают, что награду заслужил средний брат, который убил злого мангуса, а третьи настаивают на том, что спасителем является младший из братьев, сумевший поймать девушку. Спорят мудрецы до сегодняшнего дня. Сказка заканчивается неожиданным обращением к слушателям: «А ты как думаешь? Сказки слушать всякий умеет. Ты вот помоги решить, кому же из братьев награду нужно дать».

Такой прямой диалог с адресатом делает эту сказку не просто повествованием о чудесном событии, а неоконченным дискурсом с открытым завершением. Сюжетные мотивы этого нарратива показаны пунктирно: типичная завязка – похищение красавицы злым духом – прослеживается в сказках разных народов, распределение способностей у братьев так же соответствует мифологическому порядку вещей (отчетливо прослеживается идея о том, что только вместе братья могли спасти свою сестру, соответственно, общество способно выжить, если все его члены действуют совместно). Завершение сказки представляет собой переход к оценке события. Можно сделать следующий вывод: бывают ситуации, когда нельзя принять единственно верное простое решение. И даже мудрецы оказываются в затруднении. Активное вовлечение слушателей в этот дискурс является интересным педагогическим приемом: адресату дают понять, что считают его одним из мудрецов, принимающих решение.

Диалогична сказка «Сын Аралтана».

У одного богача не было детей, и задумал он найти определителя своей судьбы и убить его. Встретившись с этим человеком, он узнал предсказание: его дети умрут – один от огня, другой от коня, и третий на бранном поле. Но богач настаивал на исполнении своего желания. Через некоторое время у него родился сын, которому попала в лицо искра от курительной трубки, и он вскоре заболел и умер, второй мальчик погиб от удара копытом забежавшей лошади, а третий, по имени Наран, вырос и стал статным юношей. Однажды он встретился с двумя мужчинами, которые дрались, помог разрешить им их спор, подарил одному из них коня, и в награду этот человек, развлекавший игрой на домбре Эрлик Номин-хана, владыку подземного мира, предупредил героя о том, что этот хан послал своих слуг убить его. Чтобы этого не случи-

лось, он превратил юношу в золотое зернышко и положил к себе в карман. Владыка царства мертвых отправил своих подчиненных убить юношу, но его друг подсказал ему, что нужно найти лук и сломать стрелу. Так и было сделано. Не получилось накормить героя отравленным мясом и поразить его молнией. Верный друг каждый раз подсказывал ему, что нужно делать. Наконец, он просит юношу поехать к его родителям и передать им, что он служит как джангарчи у повелителя подземного царства. Он сообщает своему другу, что у него выросла дочь-красавица, лотос-девушка, и она предназначена этому молодому человеку. И тот пускается в путь, а повествование неожиданно прерывается следующим образом: «Пока Наран гонит табун к кибитке дочери Чибчин Хурчи, сами подумайте. Кто придумает лучше, такой и будет конец у этой сказки».

Комментируя эту сказку, отметим, что ее главный герой носит символическое имя Наран (калм.) – Солнце [Монраев, 2012]. Герой с именем Солнце противостоит владыке подземного мира мертвых, т. е. жизнь противостоит смерти и одерживает над смертью победу. В сюжетных мотивах отражены следующие нормы мировосприятия и поведения: 1) существует предначертанная судьба, но ее можно изменить, 2) добрый друг всегда приходит на помощь, 3) всегда можно найти способ предотвращения нежелательного результата, 4) искусство соединяет царства живых и мертвых. Джангарчи – исполнитель эпоса «Джангар» – наделен особыми сверхчеловеческими способностями. Интересен начальный мотив – желание убить определителя судьбы. Статус этого персонажа загадочен: с одной стороны, это оракул, которому открыты судьбы людей, но оракулы не имеют возможности что-то менять в судьбе; с другой стороны, он производит действие, меняющее судьбу героя, при этом третий сын вопреки предсказанию остается жив. Значимым персонажем сказки является Чибчин Хурчи (хурчи – дух певца и музыканта, развлекатель владыку подземного мира). Одним из центральных мотивов сказки является превращение героя в золотое зернышко. Спускаясь в царство мертвых, солнце сжимается в такое зернышко, но затем вновь обретает всю мощь сияния. Этот символ метафорически иллюстрирует неистребимость жизни. Диалогическое открытое завершение этой сказки дает возможность ее слушателям почувствовать себя создателями миров.

В сказке «Два брата» развивается действие, включающее множество эпизодов.

Сын богатыря предупреждает отца о том, что тот не должен ехать в определенную местность, но отец его не слушает, сталкивается там с вражеским войском, получает смертельную рану и вскоре умирает, ничего не оставляя в завещании жене и сыну. Сын уходит из дома, заходит в дом к демоническому существу – мусу, они устраивают интеллектуальное состязание, демон загадывает ему загадки, которые герой легко разгадывает, а на его загадки мус не может найти ответы, и герой его убивает. Вернувшись домой, он угощает свою мать добытой у муса едой. Они переезжают в новую кибитку, доставшуюся от муса. Некоторое время герой живет дома, и однажды предупреждает свою мать, чтобы та не ходила в горы, туда, где был ранен его отец. Мать его не

послушала, поднялась в горы, встретила там раненого черного муса, которому помогла восстановиться и стала ему женой. Через некоторое время у нее родился мальчик. Мус предлагает матери героя избавиться от старшего сына, и та соглашается. Мать притворяется больной и просит сына привезти ей чудесные снадобья для выздоровления – сначала почки и сердце огнедышащего черного верблюда, затем золотое яичко птички-невелички. Сын с риском для жизни приносит ей эти снадобья и ложится спать. Черный мус готовится убить ослабевшего юношу, герой просит помощи у матери, но та выходит из кибитки, он обращается к младшему брату, и этот мальчик помогает ему. Герой убивает муса, затем братья привязывают злодейку-мать к лошади лицом к хвосту и отправляют в степь. Через некоторое время братья решили искать себе жен. Главный герой приезжает к хану, у которого подросла дочь, и они начинают играть в шахматы. Хан ставит герою мат и бросает его в подземелье. Младший брат узнает о беде, едет в эту местность, встречается с ханом, обыгрывает его в шахматы, освобождает брата, и тот увозит к себе молодую жену. В доме у них появляется луч, это дочь другого хана, которой понравился младший брат. Но ее отец решил выдать ее замуж тому, кто победит в скачках. Младший брат отправляется к этому хану, побеждает двадцатипятиголового муса, выигрывает состязание по стрельбе и забирает молодую жену. Ее отец одаривает героя стадами овец и смотрит вслед каравану, «пока его взор не померк».

В этом причудливом сцеплении сюжетных ходов прослеживаются определенные ключи к пониманию жизненных норм поведения: 1) следует прислушиваться к советам близких и не рисковать зря; 2) демоны могут сделать мать врагом ее ребенка; 3) демоны любят вступать в интеллектуальное состязание с людьми, загадывая им загадки; 4) сын должен быть готов на всё, чтобы исполнить просьбу матери; 5) братья всегда приходят на помощь друг другу. Отношения между братьями являются более теплыми, чем между родителями и детьми. Можно заметить, что интеллектуальные и спортивные состязания играли важную роль в жизни сказочных героев и волшебных существ, и побежденных бросают в тюрьму или убивают. Любимыми интеллектуальными развлечениями персонажей являются разгадывание загадок и игра в шахматы, т. е. богатыри и демоны ценят не только физическую силу, но и умственные способности. В сказке четко показана модель статусных отношений в семье – право давать советы есть только у старших:

– *Батюшка, ночью сегодня не поднимайся на Богзатинскую серую гору.*

– *А научился ли ты, Джурук, нагайкой бить поперек волчьего носа, что берешься отца родного учить уму-разуму?*

– *Учить уму-разуму отца родного мне не положено. Но поедешь на Богзатинскую серую гору – быть беде.*

Сын признает справедливость возражения отца. Показателем зрелости становится физическая сила: калмыцкие богатыри могли на скаку убить своей нагайкой волка.

Уточняются и нормы семейно-брачных отношений. Ханская дочь достается в качестве трофея герою, ее желания не принимаются в расчет. Герои

сказки, богатыри, выбирают ханских дочерей в жены, девушки из простых семей не принимают участия в развитии сюжета. Запоминаются речения, которые произносит мать главного героя, отказываясь оказать ему помощь: «*Была нужда козе вмешиваться в драку быков. Орлы дерутся, перья ворону достаются*». Эти фразы ярко изображают поведение тех, кто хочет быть над схваткой и избежать риска. Интересно в сказке описано воскрешение муса, туловище которого лежало по левую сторону дороги, а голова по правую. Мус предложил женщине стать ее сыном, либо братом, либо мужем и попросил ее проделать определенный ритуал и произнести заклятие. Важным элементом сказки является гиперболизация расстояний и промежутков времени: путь к волшебному Черному верблюду пешком занимает 99 лет, но конь героя за один скачок проходит 14 лет. Братья играют в шахматы с Алачи-ханом семь суток. После освобождения старшего брата 49 дней продолжается пир в ханском дворце. Младший брат забирает не только молодую жену и стада скота, но и новорожденных детей, т. е. он становится главой большого племени. Мы видим в этой сказке суровые порядки жизни кочевого народа.

О героических подвигах богатыря рассказывается в «Сказке про три чуда».

Главный герой, стрелок Хеече-Мерген, однажды увидел трех белых лебедей, прилетевших на чудесное озеро и превратившихся в прекрасных девушек. Там, где они плыли, светилась вода. Он спрятал лебединое одеяние одной из них. Она попросила вернуть ей одежду, пообещав сделать бедняка богачом, слабого человека силачом и стать воину помощницей в битве. Но герой предложил ей стать его женой. Молва о солнцеликой красавице пошла по степи, о ней узнал завистливый, трусливый и хитрый Царкин-хан. Собрав советников, он спросил их, как завладеть этой женщиной. Ему дали совет – притвориться больным, которому может помочь молоко тигрицы, живущей на Ганге, и послать туда стрелка для выполнения этого задания. Жена стрелка дала мужу желто-пестрый платок-хадак, которым надо взмахнуть перед тигрицей. Тигрица подарила ему кувшин с молоком. Царкин-хан вновь собрал совет, на этот раз состоящий из пьяниц, мошенников и воров, и они подсказали ему, что стрелок должен принести вещь, у которой нет ни вида, ни цвета, ни места. Жена стрелка дала ему клубок из долгих шелковых ниток. Клубок привел героя к жилищам сестер его жены, и одна из них направила стрелка в темный лес, где он нашел волшебную скатерть, на которой по приказанию появлялись еда и питье. Стрелок предложил отведать этой еды невидимому хозяину скатерти, и тот за это вызвался помогать герою. Затем герой по совету хозяина скатерти поменял эту скатерть на чудесный платок, от взмаха которым появлялся прекрасный дворец, и после этого поменял платок на золотую трость. От удара этой тростью по земле возникало войско. Возвратившись домой, стрелок узнал, что трусливый Царкин-хан приходил к его жене, предлагал ей стать ханшей, но та отказалась. Герой воздвиг золотой дворец напротив жилища хана, разбил войско, отправленное ханом, устроил пир с побежденным соперником и после этого разрешил ему уйти в другую землю. Этот хан бежал на юг, а герой зажил, как прежде, со своей прекрасной женой.

Статусное обозначение «мерген» – стрелок – является типичной номинативной характеристикой героя-богатыря. В этой сказке одно чудо сменяется другим. Главный герой чудесным образом знакомится со своей будущей женой, которая оказывается волшебницей, принимающей облик лебедя. Отмечено, что «в сказках девушка-суженая становится лебедем, и, забрав ее оперенье, богатырь женится на ней и становится главой ханства» [Бакаева, 2009, с. 113]. Важную роль играют волшебные предметы – желто-пестрый платок, который служит опознавательным знаком для тигрицы, желтый шелковый клубок, который приводит героя в нужное место, скатерть-самобранка (такой чудесный артефакт свидетельствует о мечте людей иметь вдоволь еды), еще один волшебный платок, от взмаха которым появляется либо исчезает золотой дворец, и жезл, вызывающий войско. Жестокий и трусливый хан стремится овладеть женой героя и поэтому отправляет его в дальние страны, чтобы этот герой там погиб. Этот сюжетный мотив интернационален. Географические реалии, отраженные в сказке, свидетельствуют о связях древних ойратских племен с Индией. Заслуживает внимания важный сюжетный мотив получения ханом совета сначала от придворных мудрецов и затем от сборища пьяных преступников. Такая параллель свидетельствует о фактическом приравнивании этих советчиков друг другу. Интересен финал этого сказочного нарратива: герой угощает хана и оставляет его в живых. Как правило, главный противник лишается жизни, но в этом сюжете наказанием становится изгнание.

Сюжетные мотивы этого повествования соответствуют следующим нормам поведения: 1) встреча с прекрасной и мудрой девушкой является чудом, подаренным судьбой доброму человеку; 2) жена способна защитить своего мужа волшебными предметами и своими связями с жителями волшебного мира; 3) следует приглашать за стол тех, кто помогает герою; 4) любящая жена хранит верность своему мужу; 5) совместное пиршество с побежденным врагом является актом великодушия и демонстрацией могущества. Обратим внимание на цветовую эмблематику сказки: волшебные предметы имеют желтый цвет, который на востоке является знаком императоров.

В волшебной сказке «Массанг» речь идет о превращениях и подвигах героя.

У одной женщины в Индии родился вместо ребенка Массанг – человек с коровьими рогами и хвостом. Отец хотел убить его, но ребенок попросил сохранить ему жизнь и ушел из дома. Блуждая, он встретил в лесу людей разного цвета – черного, зеленого и белого, стали они вместе жить, один оставался дома, а другие уходили на охоту. Однажды к ним пришла маленькая старушка, по колено человеку, попросила дать ей поесть, а после ее ухода в доме пропали молоко и мясо. Стыдно стало зеленому человеку, который оставался дома, признаваться в этом остальным, он взял лошадиное копыто, наследил им возле кибитки, а охотникам, вернувшимся домой, сказал, что прискакала сотня всадников, всё забрали, и его побили. Эта же история повторилась с белым и черным человеком. А когда в доме остался Массанг, и эта старушка-колдунья вновь пришла, он попросил ее принести из колодца воды и дал ей

дырявое ведро. Пока старушка возилась с ведром, он посмотрел ее котомку, достал оттуда крепкую веревку, железный котелок и клещи и заменил их гнилой веревкой, деревянными котелком и клещами. Старушка поняла, что он не хочет ее угощать и предложила ему померяться силой в состязании. Массанг победил гостью, вырвал у нее кусок мяса из тела, старуха завыла и улетела прочь. Все четверо пошли ее искать, нашли ее мертвую в глубокой пропасти, между грудями золота и меди. Массанг спустился в пропасть и стал подавать товарищам драгоценности, а они решили бросить его в этом глубоком ущелье. Массанг огляделся, посадил в землю лыко и заснул на много лет. Проснувшись, он увидел, что из этого лыка выросли три огромных дерева, и вылез наружу. Его товарищи за это время пережились. Они испугались, попросили героя не убивать их, и он их пощадил. Пришел Массанг в чужую страну, встретил красивую девушку, она привела его к покровителю земли – Хурму-сту (верховному божеству), который попросил героя помочь ему в войне с его заклятым врагом, ханом Хумнустом. Массанг выстрелил из лука, стрела попала тому в глаз. Убил Массанг этого хана, девушка дотронулась до рогов и хвоста, и они сразу отпали. Она стала женой Массанга, они вместе вернулись к его отцу и прожили сто лет мирно и счастливо.

В научной литературе отмечено, что сюжет о человеко-быке по имени Массанг связан с космогоническим мифом о Большой Медведице и восходит к тибетской традиции [Бакаева, 2020]. Мифологические образы лесных духов наделяются сугубо человеческими особенностями поведения – они ходят на охоту, испытывают страх, могут смалодушничать и бросить друга в беде. Сказочная ведьма выглядит как маленькое существо, которое может увеличиваться в размере. Она забирает у героев еду, словно мелкий воришка. При этом в ее пропасти хранятся несметные богатства – подобное смысловое несогласование типично для народных сказок. Герой сражается с ведьмой и побеждает ее. Богатырский сон длится много лет, за это время посаженные Массангом ростки успевают вырасти до такой высоты, что герой поднимается вверх по этим деревьям из пропасти. Бывшие товарищи Массанга не испытывают раскаяния, встретив его живым, они просто боятся, что он их убьет. Очень важный этический момент – главный герой великодушно прощает их. Есть определенная логика в том, что сделав такое доброе дело, Массанг получает от судьбы подарок – встречу с красавицей, которая впоследствии станет его женой. Покровитель земли ведет бой со своим противником, и хотя он является верховным божеством (следовательно, обладает огромной силой), он нуждается в помощи главного героя. Обратим внимание на символическое действие: девушка превращает главного героя из полуживого в человека. Эти сюжетные мотивы выражают следующие нормы поведения: 1) сказочный герой с детства отличается особыми внешними данными, 2) ведьму можно перехитрить и одолеть в борьбе, 3) товарищи могут предать, 4) следует прощать бывших друзей, 5) женой героя становится красавица, способная творить чудеса. Разумеется, можно вывести и другие предписания поведения из каждой сказки.

Заключение

Сюжеты калмыцких народных волшебных сказок представляют собой истории, в которых концентрированно выражены ценности и нормы традиционной культуры в виде борьбы добра со злом, при этом в сказочном тексте переплетаются темы эпоса монгольских народов, конкретные жизненные ситуации и поступки людей и волшебных существ. Важными отличительными характеристиками этих сказок являются интеллектуальное и физическое состязание героев с противниками, иносказательность как статусный знак мудреца, готовность героев прийти на помощь друзьям, признание важности предначертанной судьбы для героев и возможности изменить ее, сакральность родительской воли, волшебная сила любящей женщины – жены героя, вовлечение аудитории в развитие сюжета.

Список источников

- Адоньева С.Б.* Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 181 с.
- Акименко Н.А.* Лингвокультурные характеристики англосаксонского сказочно-дискурса. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 152 с.
- Бадмаев В.Н., Манджиев Н.Ц., Уланов М.С.* Духовная культура калмыцкого этноса (Опыт этнофилософского исследования). Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2012. 156 с.
- Бадмаева Ц.А.* Философско-культурологический анализ традиционной культуры калмыков / под науч. ред. проф. К.А. Наднеевой. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2006. 148 с.
- Бакаева Э.П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Бакаева Э.П.* Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Ч. 1 // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 368–384.
- Борлыкова Б.Х.* О сюжетных типах калмыцких волшебных сказок (репертуар сказителя Санджи Бутаева) // *Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН*. 2015. №3. С.137 – 141.
- Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2002. 21 с.
- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Гослитиздат, 1940. 648 с.
- Воркачев С.Г.* Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
- Воркачев С.Г.* К истокам этнической ментальности: Иван-дурак как лингвокультурный герой // *Вестн. Пятигорского гос. лингвистического ун-та*. 2017. № 1. С. 117–123.
- Горяева Б.Б.* Национальная специфика калмыцких народных сказок: локальные, контаминированные и обрамленные сюжеты // *Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН*. 2011. № 1. С. 182 – 187.
- Горяева Б.Б.* Мотив пути в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец» // *Новый филол. вестн.* 2022. № 3(62). С. 394 – 405.
- Дандес А.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ: сб. ст.; пер. с англ. / сост. А.С. Архипова. М.: Вост. лит., 2003. 279 с.
- Дементьев В.В.* Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2016. 396 с.
- Есенова Т.С.* Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2012. 160 с.

Жирмунский В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и запад. Л.: Наука, 1979. С. 336 – 343.

Зуева Т.В. Сказка // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: «Интелвак», 2001. С. 989 – 994.

Идразова Э.С.-А. Классификация чеченских народных сказок // *Lingua-universum*. 2014. № 6 (21). С. 36 – 40.

Кононова И.В. Генезис британской национальной морально-этической концептосферы сквозь призму языка: монография. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2009. 256 с.

Коровина Н.С. Типология и стилевое родство коми и русских волшебных сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 27 с.

Кравцов Н.И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 68 – 84.

Краюшкина Т.В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток: Дальнаука, 2011. 258 с.

Кривцун О.А. Миф // Культурология: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 1330 – 1331.

Левин-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга: монография Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.

Мелетинский Е.М. Миф, сказка, эпос // *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. С. 262 – 276.

Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика): 3-е изд. Элиста: Герел, 2012. 255 с.

Надбитова И.С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: Джангар, 2011. 260 с.

Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 221–229.

Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2 М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 170 – 174.

Номинханов Д. Ц.-Д. Очерки истории культуры калмыцкого народа. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1969. 138 с.

Павлова Н.В. Якутская волшебная сказка: сюжетный состав и основные образы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 26 с.

Плахова О.А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: монография. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. 308 с.

Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.

Пропп В.Я. Морфология сказки: 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.

Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. С.141-155.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб: Наука, 1994. 238 с.

Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2008. 240 с.

Сидорова Е.С. Сюжеты чувашских бытовых сказок // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1974. С. 171 – 200.

Сидорова Е.С. Чувашская бытовая сказка: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1975. 17 с.

Сидорова М.В. Марийские бытовые сказки: жанровое своеобразие и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2006. 24 с.

Силантьев И.В. Поэтика мотива / отв. ред. Е.К. Ромодановская. М: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

Танкиева Л.Х. Сказочный эпос ингушей. Нальчик: Изд. центр «Эль-фа», 2005. 207 с.

Торокова Е.С. Хакассские народные бытовые сказки: сюжетный состав и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 22 с.

Тюмидова М.Е. Ментальность калмыцкого этноса как объект социально-философского исследования // Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 150 – 153.

Франц М.-Л., фон. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл искупления в волшебной сказке. М.: URSS, 1998. 360 с.

Ханаева З.К. Мотив путешествия в загробный мир в сюжетосложении осетинского эпоса // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 10-1. С. 152 – 154.

Хохлова Т.А., Есенова Т.С. Этнокультурные особенности осмысления ценности ума (на материале русских и калмыцких паремий) // Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова, 2019. С. 675 – 678.

Хуббитдинова Н.А. Художественная функция мотива охоты в башкирском эпосе (на примере произведений «Урал-Батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу») // Филология и культура. 2021. № 2(64). С. 214 – 218.

Шихиева М.Ш. Сказочный эпос дагестанских азербайджанцев: специфика, типология, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 24 с.

Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка. М.: Академия, 1998. 255 с.

Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) / сост., ред., прим., указат. В.Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2006. 336 с.

Яшин Д.А. Удмуртская народная сказка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1967. 21 с.

Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen mit Hülfe der Fachgenossen ausgearbeitet. Helsinki: Suomalaisen tiedeakademian toimituksia, 1910. 78 S. URL: http://misc.bibl.u-szeged.hu/24970/1/014_006_001-066.pdf

Thompson S. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition. Bloomington: Indiana University Press, 1955-1958. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Thompson>

References

Aarne A. (1910) *Verzeichnis der Märchentypen mit Hülfe der Fachgenossen ausgearbeitet*. Helsinki, Suomalaisen tiedeakademian toimituksia, 78 p. Available at: http://misc.bibl.u-szeged.hu/24970/1/014_006_001-066.pdf (accessed 15.06.20230).

Adonyeva S.B. (2000) *Fairy tale text and traditional culture*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publishers, 181 p. (In Russian).

Akimenko N.A. (2013) *Linguistic and cultural characteristics of the Anglo-Saxon fairy tale discourse*. Elista: Kalmyk University Publishers, 152 p. (In Russian).

Badmaev V.N., Mandzhiev N.Ts., Ulanov M.S. (2012) *Spiritual culture of Kalmyk ethnos (An experience of ethnophilosophical investigation)*. Elista: Kalmyk University Publishers, 156 p. (In Russian).

Badmaeva Ts.A. (2006) *Philosophic and culturological analysis of the traditional Kalmyk culture*. Elista: Kalmyk University Publishers, 148 p. (In Russian).

Bakaeva E.P. (2009) *Sacral codes of the Kalmyk culture*. Elista: IKIAT, 159 p. (In Russian).

- Bakaeva E.P. (2020) Great Bear worship by Oirats and Kalmyks: ancient perceptions and Buddhist superpositions. Part 1. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 368-384. (In Russian).
- Borlykova B.Kh. (2015) On subject plot types of Kalmyk fairytales (repertory of Sandzhi Butaev). *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanities Research, RAS*, no. 3, pp. 137-141. (In Russian).
- Bukhurov M.F. (2002) *Adyge bogatyr fairytale*: abstract. Nalchik, 21 p. (In Russian).
- Dandes A. (2003) *Folklore: Semiotics and/or Psychoanalysis: a collection of articles*. Trans. from English. by A.S. Arkhipov. Moscow, Vost. lit., 279 p. (In Russian).
- Demytyev V.V. (2016) *Speech genre communicative values in new and newest spheres of Russian speech: a monograph*. Saratov, Saratov University Publishers, 396 p. (In Russian).
- Esenova T.S. (2012) *Essays on Kalmyk language and culture*. Elista, Kalmyk University Publishers, 160 p. (In Russian).
- Franz M.-L., von. (1998) *Psychology of fairytale. Interpretation of fairytales. a psychological meaning of atonement in a fairytale*. Moscow, URSS, 360 p. (In Russian).
- Goryaeva B.B. (2011) National specificity of Kalmyk folk fairytales: local, contaminated and framed plots. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanities Research, RAS*, no. 1, pp. 182-187. (In Russian).
- Goryaeva B.B. (2022) a motif of the way in Kalmyk fairytales for the subject plot type AT 508 "A grateful dead man". *New Philological Bulletin*, no. 3(62), pp. 394-405. (In Russian).
- Idrazova E. S.-A. (2014) a classification of Chechen folk fairytales. *Lingua – universum*, no. 6 (21). C. 36-40. (In Russian).
- Khanaeva Z.K. (2017) a motif of a journey to the sepulchral world in the plots of the Ossetin epos. *International bulletin of applied and fundamental research*, no. 10-1, pp. 152-154. (In Russian).
- Khokhlova T.A., Esenova T.S. (2019) Ethnic cultural specificity of conceptualization of intellect as value (on the material of Russian and Kalmyk paroemias). *Social-cultural and ecological aspects of the Caspian region development: materials of the international scientific conference*. Elista, Kalmyk University Publishers, pp.675-678. (In Russian).
- Khubiddinova N.A. (2021) The artistic function of the motif "Hunt" in the Baskir epos (on the example of "Ural-Batyr", "Ak buzat", "Zayatulak" and Khiukhilu). *Philology ad culture*, no. 2(64), pp. 214-218. (In Russian).
- Kononova I.V. (2009) *Genesis of the British national moral and ethical conceptual sphere through the linguistic prism: a monograph*. Ussuriysk, Ussuriysk Pedagogical Institute Publishers, 256 p. (In Russian).
- Korovina N.S. (2004) *Typology and style affinity of the Komi and Russian fairytales: abstract*. Izhevsk, 27 p. (In Russian).
- Kravtsov N.I. (1973) Fairytale as a folklore genre. *Specificity of folklore genres*. Moscow, Nauka, pp. 68-84. (In Russian).
- Krayushkina T.V. (2011) *Physiology and Psychology of Russian folk fairytale characters*. Vladivostok, Dalnauka, 258 p. (In Russian).
- Krivtsun O.A. (2007) Myth. *Culturology. Encyclopedia*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Russian Political Encyclopedia, pp.1330-1331. (In Russian).
- Levy-Bruhl L. *The supernatural in primitive thinking*. Moscow, Pedagogika-Press, 1994. 608 p. (In Russian).
- Leontovich O.A. (2022) *Word and image in search of each other: a monograph*. Volgograd, PrinTerra-Design, 252 p. (In Russian).
- Meletinsky E.M. (1976) Myth, fairytale, epos. *Meletinsky E.M. Poetics of myth*. Moscow, Nauka, Eastern Literature Publishers, pp.262-276. (In Russian).
- Monraev M.U. (2012) *Kalmyk personal names (Semantics)*. Elista, Gerel, 255 p. (In Russian).

- Nadbitova I.S. (2011) *Subject plots, images and style traditions of Kalmyk fairytales*. Elista, Dzhangar, 260 p. (In Russian).
- Neklyudov S.Yu. (1984) On some aspects of folk subject plot investigation. *Folklore and Ethnography: Ethnographic sources of folklore subject plots and images*. Leningrad, Nauka, pp. 221-229. (In Russian).
- Neklyudov S.Yu. (1998) The Mongol peoples mythology. *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*. Ed. by S.A. Tokarev. Vol. 2. Moscow, Big Russian Encyclopedia, pp.170-174. (In Russian).
- Nominkhanov D.Ts.-D. (1969) *Essays of the history of the Kalmyk people culture*. Elista, Kalmyk Books Publishers, 138 p. (In Russian).
- Pavlova N.V. (2015) *Yakut fairytale: subject plot composition and main images: abstract*. Yakutsk, 26 p. (In Russian).
- Plakhova O.A. (2013) *Linguosemiotics of English fairytales: genre space, semiotic representation, discursive actualization*. Tolyatti, Tolyatti University Publishers, 308 p. (In Russian).
- Pomerantseva E.V. (1965) *The fate of Russian fairytale*. Moscow, Nauka, 220 p.
- Propp V.Ya. (1969) *Morphology of fairytale*. Moscow, Nauka, Eastern Literature Publishers, 168 p. (In Russian).
- Putilov B.N. (1975) a motif as a subject plot generating element // *Typological investigation of folklore*. Moscow, Nauka, Eastern Literature Publishers, P.141-155. (In Russian).
- Putilov B.N. (1994) *Folklore and folk culture*. St. Petersburg, Nauka, 238 p. (In Russian).
- Rezhbek E.Ya. (2003) *Mythological thinking (a cognitive analysis)*. Moscow, Editorial URSS, 304 p. (In Russian).
- Sadalova T.M. (2008) *Altay folk fairytale: forms of ethnic being, typology of subject plots, poetics and textology*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk University Publishers, 240 p. (In Russian).
- Shikhieva M.Sh. (2005) *Fairytale epos of the Dagestan Azerbaijani: specificity, typology, poetics*: abstract. Makhachkala, 24 p. (In Russian).
- Sidorova E.S. (1974) Subject plots of Chuvash everyday fairytales. *The Chuvash language, literature and folklore*. Cheboksary, pp. 171-200. (In Russian).
- Sidorova E.S. (1975) *The Chuvash everyday fairytale*: abstract. Moscow, 17 p. (In Russian).
- Sidorova M.V. (2006) *Mari everyday fairytales: genre specificity and poetics*: abstract. Izhevsk, 24 p. (In Russian).
- Silantyev I.V. (2004) *Poetics of motif*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 296 p. (In Russian).
- Tankieva L.Kh. (2005) *The Ingush fairytale epos*. Nalchik, El-Fa Publishers, 207 p. (In Russian).
- Thompson S. (1955-1958) *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition*. Bloomington: Indiana University Press. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Thompson> (accessed 15.06.2023).
- Torokova E.S. (2005) *Khakas folk everyday fairytales: subject plot composition and poetics*: abstract. Ufa, 22 p. (In Russian).
- Tyumidova M.E. (2013) Mentality of the Kalmyk ethnos as an object of social-philosophic investigation. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanities Research, RAS*, no. 1, pp. 150-153. (In Russian).
- Veselovsky A.N. (1940) *Historical Poetics*. Moscow, Goslitizdat, 648 p. (In Russian).
- Vorkachev S.G. (2014) *Implementation of meaning: conceptualia selecta*: a monograph. Volgograd, Paradigma, 331 p. (In Russian).

Voprkachev S.G. (2017) To the sources of ethnic mentality: Ivan the fool as a linguistic and cultural hero. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, no. 1, pp. 117-123. (In Russian).

Yudin Yu.I. (1998) *Russian folk everyday fairytale*. Moscow, Academia, 255 p. (In Russian).

Yudin Yu.I. (2006) *Fool, jester, thief and devil (Historical roots of everyday fairytale)*. Compiled by V.F. Shevchenko. Moscow, Labirint, 336 p. (In Russian).

Yashin D.A. (1967) *Udmurt folk fairytale*: abstract.. Tartu, 21 p. (In Russian).

Zhirmunsky V.M. (1979) To the question of international fairytale subject plots. *Zhirmunsky V.M. Comparative literature studies. East and West*. Leningrad, Nauka, pp. 336-343. (In Russian).

Zueva T.V. (2001) Fairytale. *Literature encyclopedia of terms and notions*. Ed. by A.N. Nikol'yukin. Moscow, Intelvak, pp. 989-994. (In Russian).

Сведения об авторе

Карасик Владимир Ильич – докт. филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета, vkarasik@yandex.ru

Information about the Author

Vladimir I. Karasik – Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Moscow State Linguistic University, vkarasik@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 22.09.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 22.09.2023; accepted for publication 22.09.2023.